

Евгений Чямпин

Дело Баннермана

Не подумайте, что я жалуясь, но насколько мне помнится, за все время моей работы со знаменитым экстрасенсом Джоном Смитом был только один случай, когда мне удалось раскрыть преступление прямо на его глазах. Наверняка мне не удастся передать всех подробностей тех далеких лет, так как мою память изрядно потрепали нелегкие годы службы в полиции штата Мэн, но обещаю вам, что от главных событий и фактов я не отклонюсь ни на йоту.

Это было странное дело. Весьма странное, хотя на иных помощь Смита и не требовалась. Я никоим образом не хочу принизить «особый талант» Джонни, да и его самого этой историей. Хотя видит Бог, и не обижу, так как человек, которого при жизни почитали за святого, уже лет двадцать, как лежит в могиле. Джон Смит был необычным человеком, наделенным странным даром и необыкновенной иронией. Не скажу, что всегда принимал его слова «за чистую монету», бывало язвил, но где-то глубоко в душе верил ему. После той нашумевшей истории с Греггом Стилсоном, газетчики сменили свои заголовки с «экстрасенс из Новой Англии» на «безумец с ружьем». Пошумев же, забыли.

От себя скажу, мы с Джонни были разными, не гордились этой разницей, но различались. Как бы то ни было он, всегда находил возможность помочь, что для человека с таким проклятьем уже не мало. Наши отношения не являлись дружбой, но уважение присутствовало.

День тогда выдался на удивление сырым и ветреным. Дождь моросил с раннего утра. А накануне ночью ветер принес с океана соленую влагу. И подобный сигаретному дыму по земле распластался туман.

Не знаю, чем был занят Джонни, когда я, промокнувший до нитки, подъезжал на кабриолете, своей жены, к его дому. В тот момент смешнее шерифа не было во всем штате. Вода струилась по моему телу ручьями, салон залило настолько сильно, что можно было открывать в нем платный бассейн. Это недоразумение было вызвано простым фактом поломки моего служебного джипа. Поэтому четырехколесное средство передвижения без крыши было заимствовано у жены. Новость, которую я так спешил сообщить Джонни лично, была очень важной, даже ненастная погода меня не остановила.

И вот я – мокрый, как курица и взволнованный, как цыпленок припарковав машину, наконец, вбегаю на мое счастье незапертую дверь.

– Есть кто? – крикнул я.

В ответ мне послышались шаркающие шаги Герберта Смита, отца Джонни. Увидав меня, он, не здороваясь, начал активно упрекать меня за «смехотворный, неподобающий для шерифа вид». Я спросил Джона. Смит-старший не переставая кряхтеть, указал на лестницу.

– Сынок к тебе пришел..., – начал было он.

Но отпрыск его опередил:

– Я знаю! Пусть поднимется, – голос Джонни звучал слегка сдавленно.

Подняться по лестнице не составило труда, она была специально адаптирована «под Джонни». Широкие и невысокие ступени тянулись вверх непринужденно и почти вальяжно.

– Джордж я в своей комнате! – сказал Джонни, на этот раз увереннее.

Я, стараясь не пачкать ковровин, прошел лестничный пролет и две первые комнаты. Сохранить покрытие пола в чистоте мне не удалось и, дойдя до двери хозяина, я с ужасом обнаружил, что мокрый след тянулся за мной от самой лестницы.

– Вы так и будете стоять за дверью?! – раздался голос с издевкой.

Я толкнул фанерное полотно двери и столкнулся взглядом с хозяином голоса. Джонни был все так же болезненно худ и бледен.

– Джон вы должны это увидеть, – начал говорить я, – Такого еще не было, не было во всей криминальной истории Касл-Рока, да пожалуй, и всего Мэна.

– По вам видно шериф.

– Это неописуемо, т.е. я могу попытаться, но вряд ли у меня получится, – замешкавшись, протренил я.

Джонни изменился в лице, из уставшего циника преобразившись в католического чудотворца. Меня сие смутило до легкой дрожи в коленках. Я многое видывал за годы службы, в основном нелицеприятное и откровенно мерзкое, но этот переход чувств на лице знакомого мерещится мне перед сном до сих пор. Засыпая, я обязательно подворачиваю одеяло под ноги, чтобы не дай Бог, привидевшийся дух Джонни, не унес меня в страну вечных снов. Но, что-то я заговорился. Пора бы вернуться в тот пасмурный денек, пока вы не примете меня за старика с помутившимся рассудком.

Итак, Джонни заметив, что вода стекает с меня на ковер так обильно, что грозит залить комнаты этажом ниже, предложил закончить разговор в гараже. Благо пол одного был бетонным. Выходя из дома Джонни поверх теплого свитера надел плащ, и нежно попрощался с отцом. Мы пробежались до гаража, в котором, как оказалось стоял старенький бьюик Герберта. Заводилась эта рухлядь кучкой воткнутых в гнездо зажигания спичек, исполнявших роль ключа. Как я узнал позже Смит-старший почти не пользовался ею, лишь изредка прибегая к помощи потертых колес.

Перекинувшись парой дежурных фраз, мы с Джонни двинулись в путь. Благо крыша у этой старой посуды была целой. Погода за окном авто не изменилась, даже смена времени не чувствовалась в этом влажном воздухе. Дождь лил не переставая. Я слегка согрелся сидя в на удивление, хорошо сохранившемся кресле. Джонни в черных кожаных перчатках эффектно крутил баранку руля, некоторая нервозность в его движениях присутствовала. Хотя я и тогда и сейчас убежден, что это являлось результатом не страха от автокатастрофы, которая унесла его в кому на долгие годы, а собственно самой комой. Опять таки поясню, не медицинской туфтой о последствиях этого

страшного явления, а просто отсутствием практики вождения. Смит был хорош. Ему очень шло сидеть за местом водителя, по настоящему шло.

– Джордж, повторите адрес, пожалуйста, – сказал он, не отрывая взгляда холодных глаз от дороги.

Я пробурчал в ответ улицу и номер дома.

Мы прибыли на место через полтора часа, если верить моим армейским часам. Не выходя из машины, я спросил у Джонни, не приходилось ли ему слышать о КриПтоне Халле. Он ответил отрицательно.

– Ладно, тогда я вам все расскажу, – начал я, – КриПтон Энтони Халл известный в городе лесозаготовитель, влиятельный и очень богатый человек, во всяком случае, был им до сегодняшнего утра. По отзывам знавших его людей человек он был пре противнейший. Был хватким бизнесменом, горячим спорщиком и домашним тираном. Подробнее остановлюсь на тирании, если в деле крутым быть полагается, то с родными себя грубо ведут только редкостные мерзавцы. Халл был из таких. Его кроткая супруга – ФриКтида Халл главная его жертва. Негодяй терроризировал бедняжку с первых дней замужества, подобно рабу с плантации вымещал зло на близком человеке. Побой были регулярными, но миссис Халл умела терпеть. Сыновьям, а их у Халлов трое она говорила, что причина синяков ее неосторожность. Дверные косяки, балки, ступени лестниц все эти предметы якобы награждали ее гематомами, ушибами и ссадинами. Конечно братья в такие мамины «неосторожности» не верили, более того готов биться об заклад, что они знали правду. Знали и молчали, о причинах молчания скажу позже. Так вот, как я уже сказал детей у Халла трое, все мальчики. Отличительной особенностью каждого является нахлебничество, конечно в разной степени запущенности, но все же нахлебничество. Братья живут под родной крышей, своих семей не завели, занимаются кто чем. Итак, я их перечислю: старший Уильям, средний Джори и младший Стивен. Уильям профессиональный прожигатель жизни, во всяком случае, так он представился, работать не умел, да и научиться не пытался. Проводит все свое свободное время, т.е. 24 часа в сутки в местном ирландском пабе и паре-тройке баров попаршивее. Джори художник, неплохой исполнитель, но как говорит моя жена темы в его творчестве нет. Мне этот парень больше всех понравился, так как занят хоть каким то делом. Он слегка неприятелен на вид, т.е. с рождения с отклонениями. Мал ростом с кривыми ногами и выпученными, как у жены Ленина глазами ...

– Я не знал, что вы Джордж разбираетесь в призраках коммунизма, – прервал меня Джонни.

– Врагов нужно знать в лицо, – только и ответил я.

– Остается третий сын Халлов, расскажите и о нем, – Джонни.

– Хорошо, – переводя дух, начал я снова, – Этот третий точная копия первого, за малым исключением в перерывах между запоями он пишет прозу. Стивен безнадежный писатель, работающий в детском жанре «страшилок». Его однажды опубликовали в школьной газете, большего успеха он не снискал. Мои помощники растормошили городскую молодежь и узнали интересные факты –

Стивен не только балуется «травкой», как все подростки в его годы, но и употребляет вещи потяжелее.

– Джордж, я не понимаю, почему ты делаешь такой упор на семье, неужели есть повод так их подозревать?

– В том то и дело, что есть!

– Ммм, ну и какой?

– Конечно наследство – большой пирог, от которого все хотят урвать кусок пожирнее, – я потряс рукой, надеясь этим не хитрым жестом доказать обстоятельность своего предположения.

– Ну и как все произошло?

– Я уже говорил, что ответить удовлетворительно не смогу, но если... в общем Криптона Халла разорвало. Утром, после семейного завтрака старик поднялся по лестнице, прошел пару-тройку футов до двери своего кабинета, зашел туда и заперся. Я уверен, что все в доме, включая прислугу, были в курсе темного замысла мистера Халла. А именно его желание изменить ранее написанное завещание, исключить из всех пунктов своих детей и жену, пожертвовав все средства на посев и жатву кукурузы в каком-то там Гатлине.

– И как же его «разорвали»?

– Джон, поймите меня верно ... его не разорвало на куски, он лопнул ... – я едва прикрыл глаза ладонью, как передо мной возник образ этой красной от крови комнаты. Воздуха вдруг стало резко не хватать моим бедным, сжатым конвульсией легким. Кабинет предстал мне в самом, что ни на есть ужасном свете, я потряс головой и почувствовал, как стены этого ужаса отступают. И вновь прикрыл глаза, на этот раз стены не вернулись.

– Он лопнул, как шарик?

– Точно, как шарик, который летает, летает.

– Джордж, может мне одному туда зайти? – видно я выглядел мерзко, раз Джон Смит проявил такое внимание.

– Нет, со мной все в порядке.

Джонни вышел первым, я последовал за ним. Дождь все так же лил нудным серебристым потоком. Далее был дом Халлов, в который мы проникли без труда.

Как оказалось семейство хозяев собралось в гостиной и ждало моего визита, стандартная процедура для шерифа. Я входить, туда не спешил. Походив вдоль закрытой двери гостиной, за которой меня ждали, я уже было, рванул туда, но рука Джонни Смита (как всегда облаченная в черную кожу) крепко схватила меня за плечо. Я обернулся.

– Давайте поговорим, – предложил он.

– Мы уже часа три только и делаем, что разговариваем, – огрызнулся я.

– Вот об этом то и о том, что вы мне не сказали, но хотели сказать мы и поговорим, – длинные пальцы разжали свой тугой капкан.

– Я не знаю, что со мной случилось, когда я вошел в комнату в первый раз, говорят, что нечто подобное испытывают наркоманы и безумцы, но я готов поспорить на что угодно – ЭТО было другим. Просто другим. Понимаешь

Джонни, я все делал по инструкции, приехал по вызову своего помощника, дал ему указание никого не впускать никого не выпускать, поднялся по этой чертовой лестнице, прошелся короткой дорожкой Халла и открыв дверь ...

– Джордж, ты коснулся ручки двери? – голубые глаза Джонни, сопереживающие по-настоящему вгрызлись в мои.

– Я же сказал, что открыл дверь ...

– И на тебе не было перчаток, потому что жена побоялась, что они отсыреют?

– Все верно ...

– И ты «видел». Ты действительно «все видел»?

– К чему ты клонишь Джонни? – спросил я ошеломленно.

– Ты задействовал свою «мертвую зону»

– Это не возможно, – начал отнекиваться я.

– Джордж, расскажи мне, что ты «видел» и нам не придется вновь переживать весь тот ужас, что таится за этой дверью.

– Вначале ничего, потом была вспышка, и я провалился в мириады звезд на небе ...

– Ты точно не наркоман?

Я насупил брови.

– Шучу, шучу, со мной всегда так, продолжай, – и он улыбнулся так, как мог улыбаться только один человек на земле – Джонни Смит.

– Так вот, после провала я почувствовал ноющую боль в спине и жуткую тяжесть своего тела, фокус только заключался в том, что это было вовсе не мое тело. «Я» затворил дверь кабинета, достал из затертого до дыр халата ключ и заперся. Звонко испортил воздух и шаркающим шагом двинулся к столу, но не пройдя и половины пути ... лопнул. «Я» ощутил, как «не мое» тело, подобно лопнувшему шарикуну рвется на «не мои» ошметки плоти, как «не моя» кровь струей бьет сперва в потолок, а потом растекается по стенам ... а п..п—по-тт-оммм

– Успокойтесь Джордж, все хорошо.

Я молчал, прижавшись к стене богатого дома, к стене за которой сидели убийцы, виновность которых я ни одним рациональным способом не мог доказать, к стене моего плача. Слезы сами текли, я не рыдал, поскольку никогда этого делать не умел, я кровотолил слезами.

Джонни Смит приблизился ко мне, снимая перчатку.

– Если тебе трудно можешь не говорить, я узнаю все так, – протягивая руку, предложил он.

– Я расскажу, я смогу сделать хотя бы это.

Джонни убрал руку.

– Потом, – продолжил я, – меня перекинуло совершенно в другое место и как мне кажется время, где ФриКтида Халл, супруга лопнувшею, что-то усердно втолковывала мне и еще двум братьям. Мы кивали головами, и на этот раз я почувствовал себя не «собой» способным влиять на происходящее, а зрителем,

просматривающим кино по видею. Я различил лишь концовку всего сказанного: «точно решено».

Потом меня закрутило, был свет снова сменилась обстановка ... отчаянно пахло дешевым пойлом, что продают в придорожных забегаловках. Я мерз, на мне были тоненькие чулочки и купленная на распродаже блуза. Мне было холодно и мерзко, почему холодно я уже сказал, а мерзко было из-за моего парня, который на поверку оказался типичным «лесником». Не буду врать и рассказывать о том, как он красиво за мной ухаживал, но при знакомстве я думала, ээ думал, что он не такой как все. Но надежды рухнули, когда он на первое свидание пригласил ее, т.е. меня в бар у федеральной трассы, а окончательно сгинули, когда он напился в первые пять минут и ушел танцевать с другой. И вот я вышла из смрада и пьяного восторга, на мороз и ледяной холод. Позади меня неровной геометрической фигурой распласталась автостоянка. Я смотрю на звездное небо и думаю найду ли я свой идеал в этом богом забытом Касл-Роке, который скорее развалится и исчезнет, нежели сделает своих жителей счастливыми. Поворачиваюсь и иду к своей машине (у «лесников» водятся только пикапы). Прохожу ряд, за рядом даже не замечая скользкую следом чью-то злую тень. Дохожу до своего авто, ищу в сумочке ключи, нахожу и роняю их ... наклоняюсь, чтобы поднять. Разгибаюсь и вздрагиваю, передо мной стоит, ухмыляясь Уильям Халл, тридцатилетний сынок богатого Халла. Я хочу сказать ему, что нельзя вот так вот пугать людей, но не успеваю и рта раскрыть. Он хватает меня, закрывает рот рукой, но я не кричу, меня парализовал страх. Удары острого лезвия не меняют дела, проходят минуты ... и я понимаю, что с кровью стекающей в подставленную пивную банку я лишаюсь не только жизни, но и самого главного в ней – надежды. Я мысленно продолжаю проклинать тонкие чулочки и зову в темноте свой идеал мужчины. Темнота сгущается. Окружает и топит меня в себе.

Выныриваю из чернот. На это раз я пушистый и четвероногий, плавно потягиваясь, лежу на софе и наблюдаю суетливый разговор братьев. Уильям бравирует банкой с «кровью девственницы», Джори нарисовал на удивление выразительный портрет отца в полный рост, Стивен хвалит брата и говорит, что «скоро свершится суд». Я спрыгиваю на пол и бегу в садик по своим кошачьим надобностям. Возвращаюсь поздно вечером и застаю троицу на прежнем месте, то ли поющими, то ли читающими странную черную книгу. Я могу разглядеть только арабское имя автора. Братья стоят кружком вокруг портрета, Стивен держит книгу и читает ее громче всех, Уильям сжимает в кулаке рукоять охотничьего ножа, Джори, как ребенок на празднике держит за веревочку наполненный чем-то шарик. Который не парит в воздухе, а свисает под тяжестью налитой в нее жидкости. На меня не обращают никакого внимания, они полностью поглощены процессом. Все трое омерзительны, начиная с хмельного Уильяма и заканчивая юродивым Джори. Стивен безобразен при мутном свете старых ламп, его огромные очки в темной оправе страшат меня невероятно. Наконец чтение-пение прекращается и Джори подносит шарик к портрету, а

Уильям наносит резкий удар. Не громкий хлопок и потоки крови заливают картину. Мистер Халл на ней выглядит не довольным, но я то знаю, что он уже мертв. Вылизав дымчатую шкурку, я бегу в садик, отдохнуть от вида крови.

Джонни похлопал мне по плечу, и я остановился.

– Это полный бред! – воскликнул я, – Джонни, скажи мне, что это так! Что я перегрелся на солнце, которое сегодня и не вылезало из-за туч, что я не в себе, что, что ... – меня трясла и била мелкая дрожь, перемежавшаяся с сильной болью в груди. Слезы текли обильно, а слова не могли найти выход из недр гортани. Я сполз вниз, примостившись.

Я уже не помню, как Джонни привел меня в чувство, но уже через пять минут мы продолжали наш безумный разговор.

– Даже если это понимаешь ты, это не примут на суде, – говорил я, – оккультизм, детский шарик, наполненный кровью девственницы, отсутствие улики, никаких фактов, этот гад Халл просто лопнул и все тут, девушка якобы сбежала в другой штат, семейство Халлов скорбит и лишь толстый дымчатый кот знает всю правду, но вряд ли о ней расскажет ввиду своей занятости.

– Я понимаю, успокойся. Вот ты коммунистов-русских вспоминал, так вот у них всегда так.

– Как так?

– Ну, как ты сказал! Недоказуемость. В точности, если конечно судить по литературе, – Джонни.

– А я и забыл, что ты по первому призванию учитель, – я выдавил из себя жалкое подобие улыбки, – Знаешь Джонни, если у этих коммуниак действительно все так же плохо, то никакие они нам не враги.

Мы закатились странным, возможно только экстрасенсам понятным хохотом. Я посмотрел на дверь в гостиную, посмотрел на Джонни. Он кивнул в сторону выхода из этого страшного дома, и я не преминул этим приглашением воспользоваться. Покидая это место, давшее мне так много нового, раннее непостижимого и страшного я старался думать только о том, как объяснить жене полностью отсыревший салон ее авто. Я надеялся, что таким образом можно опрокинуть страх навзничь, бросить его и уйти.

Уже позже, находясь по дороге домой, в участок я возвращаться не хотел, Джонни заговорил со мной вновь:

– Джордж.

– Угу?

– Помнишь, когда мы разговаривали в машине, уже подъехав к дому Халлов?

– Да, я ввел тебя в курс дела.

– Все так, но концовка нашего разговора, когда тебе стало плохо, и ты прикрыл глаза ладонью ...

– Ну?

– Ты видел, чтобы я открывал рот?

– Конечно нет, ты же сам сказал, что я прикрыл глаза, – возмущенно сказал я, усталость сказывалась. Уставшие всегда раздражительнее, поверьте старику Баннерману.

– Но ты слышал меня?

– Разумеется, но я не понимаю о чем ты.

– Дело в том, что я не говорил и рот не открывал, причем ты, когда отвечал тоже, – Джонни.

– Это невозможно, мы же не бродячие циркачи, развлекающие детишек говорящими куклами.

– Все так, но мы все же «говорили», один мой знакомый по переписке называет такой «разговор» сиянием, – Джонни стал серьезнее обычного.

– Чем-чем? – спросил я.

– Ты просиял Джордж, сегодня был твой день сияния.

– Я готов поверить во, что угодно, но больше всего я хочу уснуть и забыть на завтрашний день все, что случилось сегодня, – ответил я уставшим и поникшим голосом. Слезы еще блестели на щеках солоноватой пленкой.

– Джордж, ты сможешь повторить наш «разговор» еще раз?

– Я не хочу, да и не думаю, что получится, – ответил я.

Как бы то ни было, мы попытались. К сожалению, а может быть и к счастью, у нас ничего не вышло. Сияние не повторилось.

Теперь спустя много лет я думаю, что все, что со мной произошло в тот ненастный день, было связано с той черной книжкой, автор которой скрыл свое истинное имя за арабским псевдонимом. Именно эти темные силы заставили меня просиять. Ощутить всю ту непреодолимую тяжесть бремени Джонни Смита и ужас его дара.

А иногда, когда я сижу на крыльце своего дома в потрепанном свитере и смотрю на рождение дня. И первые робкие лучи ложатся на мою дряблую кожу. Когда красно-буро-оранжевое безумие захватывает горизонт, а утренний ветерок, сдувая росу с травы у дороги, забегаает мне в ноздри, я понимаю, что все совсем не так и сколько бы ни было в мире зла, перед светлой стихией оно ничто. Сейчас, как раз такой день. Он рождается у меня на глазах, и я рад ему. С кухни доносится легкий шумок, это невестка моего сына готовит завтрак. Она, как и я встает рано. Минуты через две она звонким голосом позовет всю семью на завтрак. Я считаю, что моему мальчику с ней очень повезло.

Начиная эту историю, я и не подозревал, что так трудно будет ее заканчивать. Писательство затягивает, и хочется писать и писать, не переставая, но я все же постараюсь закончить свое повествование последним разговором с Джонни.

Не припомню места нашего разговора, но с событий в доме Халлов прошел месяц. Мы столкнулись с Джонни совершенно случайно. Он сказал, что переезжает. Я пожелал ему удачи. Мы обменялись рукопожатием, отсутствие перчатки на руке Джонни я сразу не заметил. Он изменился в лице, оскалился, как это делают обычно крупные собаки вроде догов и сенбернаров. Посерел и

задумался. Я понял, что он, что-то «увидел» и теперь решал говорить мне об этом или нет. Конечно, я не знал, что в последующие минуты решила моя судьба:

– Джордж, вам лучше взять отпуск на два месяца, поколесить с семьей по стране, отдохнуть, – попытавшись придать наставлению дружественную форму, сказал Джонни.

– Это серьезно?

– Да, – только и ответил он. Потом развернулся и ушел. Ушел не оборачиваясь.

Как ни странно, но я человек в высшей мере скептический поступил именно так, как сказал Джонни. И по возвращении в Касл-Рок получил на стол дело для закрытия и отправки в архив. Я пробежал глазами по рапортам и отчетам, где речь шла об ужасном случае собачьего бешенства. Пес по кличке Куджо отправил на тот свет много народу, включая детей. Мне стало не по себе, ведь я мог спасти этих людей, это должно было быть моей работой, я должен был быть рядом, но меня там не было.

И вновь я думаю о Джонни, оставившем меня в живых, вопреки здравому смыслу и воле Создателя. Я не перестаю думать, об этом казалось простым парне с не простой судьбой. Не перестаю ...

А вот и Джемма зовет, так зовут нашу невестку. Пойду завтракать, радоваться счастьем сына, думать о Джонни и о том деле, что я раскрыл, но не смог доказать.